

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Такие разные роли

Актер Академического театра драмы имени А. С. Пушкина Н. Мартон, что называется, прирожденный лицедей. Во всем его облике — чрезвычайно подвижных чертах лица с экспрессивным, то и дело взмывающим вверх изломом бровей, в удлинённых, будто стекающих струями кистях рук, в пластичности мускулов, всегда готовых к движению, порыву, — угадывается вечная жажда преображения. словно из глины артист все время «лепит» из собственного лица черты своих героев. Вот его граф Шабельский («Иванов»), яростный и желчный, с клинообразной бесовской бородкой, терзающий себя, терзающий других, несчастный, одинокий, бесприютный. А рядом преуспевающий художник Вагин («Дети солнца») — любимец женщин, шеголь и фат. Поэт, романтик Сент-Экзюпери — сама устремленность в будущее и английский стрелочник Элберт («Маленький вокзальчик, весь в цветах») — сухой, как жердь, аккуратист, педант. Все — разные. В новой роли Н. Мартона не узнать порой даже чисто внешне. Единственное, что объединяет сыгранных им персонажей — страсть к игре, представлению, иной раз губительному для человека, но от этого не менее притягательному.

Да, Мартон — именно актер. Хотя родился в крестьянской семье, в деревне, где театра, естественно, не было и в помине, была лишь бессознательная, воистину генетическая потребность в искусстве. Она-то и привела подростка в город, в ремесленное училище, позже на завод. Оттуда дорога в Театральный институт уже не представлялась столь недостижимо далекой.

Более того, самой природой этот исполнитель уготован для Пушкинского театра. С его парадными, красно-бархатными, в золотой оправе креслами, с колоссальных размеров сценой, специально предназначенной для широкого и повелительного жеста, для мощных, легко покрывающих пространство голосов, для показа ярких артистических индивидуальностей.

Есть в многовековых тради-

циях этого театра стилевое свойство, которое связано с ощущением сцены как особого мира, где не может быть ничего случайного — разговорной неряшливости в интонации, мешковатой неуклюжести движений, незначительных бытовых подробностей, каждая человеческая черта, пусть самая мелочная и низкая, должна быть представлена в ее, так сказать, апогее. Мартон — сторонник такого театра. Тяга к характерности сочетается в нем со стремлением «приподнять» тот персонаж, в который ему надо перевоплотиться.

Вот его последняя работа — стрелочник Элберт в спектакле «Маленький вокзальчик, весь в цветах». Сама профессия героя вроде бы говорит о его незначительности, неприметности. Но для исполнителя есть в этом образе безусловная поэзия, даже романтика.

Не случайно, кстати, начиная четверть века назад на сцене драматического театра в Симферополе, Мартон увлекал зрителей в ролях откровенно поэтических. Он великолепно играл героев, пылких любовников — Ромео, Дон-Жуана в «Каменном владетеле» Л. Украинки. Актер любит и умеет мыслить на сцене в длинных монологах, тонко ощущает стихотворный ритм. Жаль, что этот его дар, столь редкий для нынешних исполнителей, не всегда находит должный спрос в стенах Пушкинского театра, которому поэзия так необходима. В этом плане Ленинградское радио относится к таланту Н. Мартона с большим пониманием. В литературных радиопередачах часто звучит голос актера — на редкость музыкальный по красоте тембра, по умению проговорить, как пропеть, каждый звук, доставляя слушателям истинное наслаждение.

Вчера Мартону исполнилось 50 лет. Размышляя о сыгранных им ролях, я вспоминаю одну из заповедей Л. Н. Толстого: «Знать свое — или, скорее, что не мое, вот главное искусство». Пожалуй, Мартон владеет этим мастерством.

Т. ЗАБОЗЛАЕВА

На снимке: Н. Мартон в спектакле «Маленький вокзальчик, весь в цветах».